

Ли Сичэнь решил, что сегодня утро стартовало в жанре абсурда.

Сначала его поднял с постели соседский ребёнок, взрывающий хлопушки. Решив, что настал конец света, он в пижаме вылетел из комнаты — и лицом к лицу столкнулся с мамой.

Уснуть обратно не получилось. Вспомнил, что Сун Цинсюй звал его гулять, — переоделся и вышел из дома.

По дороге набрал Сун Цинсюю восемь раз. Тишина.

Решив, что тот ещё спит, Ли Сичэнь не стал торопить — но тут посмотрел на часы: уже за восемь. Вспомнил, что Сун Цинсюй обещал повесить парные свитки на двери базы. В такое время ещё не проснулся — значит, свитки не повешены. И Ли Сичэнь помчался из центра в пригород, к базе WS.

Он прекрасно понимал, что сам — игрок FTG и что по-хорошему должен сначала проверить, висят ли свитки на их базе. Но Сун Цинсюй для него — как родной младший брат. Помочь по мелочи — не проблема.

В крайнем случае, потом вернётся в FTG и проверит.

У ворот WS Ли Сичэнь замотался с ног до головы: FTG славились традицией попадать в тренды каждый Новый год, и эту честь он предпочитал оставить Чжоу И и Шэнь Хэну.

Повесил свитки, сел в машину, вернулся в город, перекусил — и стал ждать, пока Сун Цинсюй проснётся.

Он наснимал кучу фоток парадного входа WS. Он оказал такую услугу — за один ужин в частном ресторане вполне справедливо.

Ожидание затянулось до двух часов дня.

Когда Сун Цинсюй наконец ответил, Ли Сичэнь был одновременно зол и смешлив. Но оба эти чувства мгновенно уступили место жгучему любопытству — стоило услышать чужой мужской голос.

— Ох ты ж!!! Сун Цинсюй!!!

Вопль, достойный трибуны стадиона, влетел в динамик. Сун Цинсюй был уверен, что правое ухо он потерял навсегда.

Не успел он рта раскрыть — Тан Хуай притянул его обратно в постель.

Тан Хуай был горячее — как печка. Притом что кондиционер стоял на двадцати шести. Где тут холодно?

Сун Цинсюй покосился на него — но Тан Хуай лежал с закрытыми глазами, притворяясь спящим. А телефон ещё не был отключён. Пришлось заниматься Ли Сичэнем.

Сун Цинсюй дважды попытался сесть — и дважды провалился: Тан Хуай обвивал его, как удав. Скрипнув зубами, Сун Цинсюй посмотрел на «спящего», мысленно хмыкнул, взялся за его руку, обхватившую его, и начал медленно сжимать пальцы — всё сильнее.

Одновременно виноватым голосом сказал в трубку:

— Только проснулся. Скажи, где ты? Сейчас приеду.

Ли Сичэнь ядовито:

— На чьей койке ты проснулся, красавчик? У тебя что, свидание — а ты мне даже не рассказал?!

Сун Цинсюй категорически отверг:

— Нет никакого свидания.

Ли Сичэнь:

— Ещё отрицаешь! Я слышал! Рядом с тобой — мужик!

Плечо Тан Хуая дрогнуло. Сквозь объятие до Сун Цинсюя донёлся едва слышный смех.

Сун Цинсюй метнул в него взгляд.

Смешно тебе?! Не больно, значит?!

Он усилил хватку и продолжил врать Ли Сичэню с кристально чистой совестью:

— У тебя слух отказал. Рядом со мной нет никакого мужчины. Кстати, мне, наверное, надо заехать на базу — я свитки ещё не повесил.

Ли Сичэнь понял: по телефону правды не добьёшься. Решение — выманить.

— Не надо, я уже повесил за тебя. Ваши свитки WS повесил я — игрок FTG. Это, между прочим, огромная услуга. Минимум — ужин в частном ресторане.

— Договорились. Будем скоро. Скинь геолокацию.

Отбой. Сун Цинсюй уставился на Тан Хуая:

— Всё ещё спишь?

Тан Хуай поёжился, медленно открыл глаза — чёрные зрачки врезались прямо во взгляд Сун Цинсюя, — и с несчастным видом пробубнил:

— А-Сюй сильная рука. Больно.

Его низкий голос — с утренней хрипотцой. Сердце Сун Цинсюя необъяснимо ускорилося на полтакта. Он отпустил руку и оттолкнул Тан Хуая:

— Быстро, вставай. Ли Сичэнь ждёт.

Сун Цинсюй первым прыгнул с кровати и почти сбежал в ванную.

Ванная у Тан Хуая была просторная. Ещё вчера Сун Цинсюй заметил: у дальнего окна стояла ванна. На глаз — метра два в длину, не меньше метра в ширину.

Сун Цинсюй любил принимать ванну, но с тех пор как стал про-игроком, ради экономии времени перешёл на душ.

После вчерашнего он окончательно порвал с родителями. Бабушку он будет навещать, но домой не вернётся.

Значит, квартиру нужно покупать скорее. Жить на базе вечно — не вариант.

В новом доме он тоже хочет такую ванну. Только не чёрную — белую.

Хотя... зачем Тан Хуаю одному такая большая ванна?

Он задумался настолько глубоко, что когда его мягко подтолкнули, машинально сделал шаг в сторону, ни о чём не думая.

Несколько секунд спустя до него дошло. Он моргнул, медленно обернулся — и обнаружил Тан Хуая рядом, лицом к зеркалу, с зубной щёткой.

Когда он успел?

Тан Хуай уже стоял спиной к нему. Чистил зубы.

Сун Цинсуй опустил взгляд. Кадык дрогнул. Щёки предательски зарделись. Он тоже повернулся к зеркалу и продолжил чистить зубы. Во рту — мятная свежесть, но где-то внутри разгоралось что-то горячее.

Кто-то надел серые спортивные штаны. И в них... заметно.

Ванная, казавшаяся просторной, с двумя людьми заполнилась до предела. В зеркале — плечо к плечу, локоть к локтю, движения — почти в унисон.

Две руки — одна с крупными суставами, другая — длинная и изящная — одновременно потянулись к крану. Тан Хуай тихо рассмеялся:

— Ты первый.

Сун Цинсуй с пылающими ушами сплюнул пену.

Вчерашняя одежда Сун Цинсуя была грязной. Тан Хуай долго копался в шкафу и откопал вещи, которые носил ещё в старшей школе.

— Надень это.

Сун Цинсуй взял, посмотрел: простые базовые модели — из тех, что не устаревают.

Переодевшись, он ничуть не выглядел странно — разве что стал казаться моложе, как ученик японской старшей школы.

Он вспомнил, как Тан Хуай ходил в этих вещах с ним по городу. Сколько людей тогда оборачивались.

Парни и девушки краснели, прося его контакт. Некоторые даже не осмеливались посмотреть ему в глаза.

Уже сидя на пассажирском сиденье, Сун Цинсуй всё ещё думал об этом. Обаяние Тан Хуая оказалось куда мощнее, чем он предполагал. И раньше, и сейчас.

При этой мысли он опустил голову и улыбнулся.

Щёлк.

Сун Цинсюй растерянно поднял глаза. Тан Хуай снова навёл на него камеру — и снова:

Щёлк.

— Опять фотографируешь? — нахмурился Сун Цинсюй. — Мы просто в машине сидим.

Тан Хуай невозмутимо сунул телефон в карман худи, увидел зелёный сигнал — и дал газу.

— Красивый. Хочу — и снимаю.

Квартира Тан Хуая была в центре. До точки Ли Сичэня — минут двадцать.

Выйдя из машины, Сун Цинсюй сразу увидел Ли Сичэня: тот стоял, привалившись к дверце, и листал телефон.

Сун Цинсюй махнул рукой:

— Эй!

Договорить не успел — ему на голову натянули вязаную шапку. Тан Хуай бесстрастно:

— Холодно. Уши замёрзнут.

Ли Сичэнь шёл к ним, и голос его прибыл раньше:

— Вы в парных луках — а меня не позвали?!

Парные луки?

Сун Цинсюй оглядел себя: белый худи, синие джинсы. Потом — Тан Хуая: чёрный худи, синие джинсы.

Гм. Это не столько «братский лук», сколько «парный».

Впрочем, обе вещи — Тан Хуая. Чему удивляться.

Ли Сичэнь проторчал на улице слишком долго, пытаясь изображать задумчивого юношу у машины, — и продрог до костей. Он прилип к Сун Цинсюю:

— Нет, ну я серьёзно — договорились на десять, а сейчас три. Если бы я не был таким красивым и великодушным — другой бы давно обиделся.

Тан Хуай посмотрел на их соприкасающиеся плечи. Его челюсть едва заметно напряглась.

Сун Цинсюй ничего не заметил и ткнул Ли Сичэня локтем в живот:

— Не преувеличивай. Вчера поздно легли, просто вырубился.

Ли Сичэнь:

— Я ещё не закончил допрос! С каким красавчиком ты вчера зависал? Я в трубке слышал его голос!

— Не было никого! — вспыхнул Сун Цинсюй. — Есть хочешь или нет? Идём!

Ли Сичэнь относился к его вспышкам как к котёнку, который машет лапкой. Обошёл его и обратился к Тан Хуаю:

— Ты же приехал за ним? Видел того человека? Красивый?

Тан Хуай помедлил:

— Красивый.

Сун Цинсюй прожёт его взглядом и повернулся к Ли Сичэню:

— Он несёт чушь. Не было никого!

На лице Ли Сичэня — чистое «ну-ну, рассказывай». Он снова обратился к Тан Хуаю:

— Ты своими глазами видел, да?

Сун Цинсюй предупреждающе уставился на Тан Хуаю.

Тан Хуай: ...

Провёл пальцами по губам — жест застёгивающейся молнии.

Для Сун Цинсюя это выглядело как отрицание. Для Ли Сичэня — как подтверждение.

Они препирались всю дорогу до ресторана. Только сев за стол и дождавшись еды, оба наконец заткнулись и начали есть.

Все блюда Тан Хуай заказал под вкусы Сун Цинсюя. Кто угодно другой заметил бы сразу, но мозг Ли Сичэня переключался между режимами «тупой» и «острый» — и сейчас, после еды и скачка сахара, был в «тупом».

Он не заметил. Но Сун Цинсюй — заметил. Он смотрел на стол, уставленный его любимыми блюдами, и чувства были... сложные.

Кровные родители не знали, что он ест.

Тан Хуай, который когда-то его обманул, а теперь стал его... партнёром по договору, — знал всё.

Сун Цинсюй горько усмехнулся и уткнулся в крылышко.

Под столом чья-то нога коснулась его ступни. Сун Цинсюй резко поднял голову. Ли Сичэнь — сытый и блаженный — сидел рядом. Значит, нога...

Он снова предупреждающе посмотрел на Тан Хуая. Но тот с невозмутимым видом разбирал куриное крылышко и демонстративно не принимал сигналов.

Нога начала медленно подниматься по его голени. Твёрдое прикосновение сквозь ткань — прямо к коже. И выше. И ещё выше.

Знакомое ощущение вернулось. Руки Сун Цинсюя замедлились.

Тан Хуай положил ему в тарелку очищенное крылышко, вытирая руки влажной салфеткой:

— А-Сюй покраснел. Ешь спокойно, никто не отнимет. Всё тебе.

— Что тебе нравится — всё твоё.

Крылышко во рту Сун Цинсюя вдруг стало другим на вкус. Лицо пылало всё сильнее, внутри — жар. Сердце колотилось так, словно Тан Хуай раскачивал его на качелях.

Как он может на людях говорить то, что говорил вчера ночью?!

Это уже за гранью!

Сун Цинсюй смотрел, как Тан Хуай вытирает руки. Длинные пальцы зажали салфетку, повели сверху вниз — медленно, тщательно. Каждый промежуток между пальцами — отдельно. В конце — лёгкое касание подушечек.

Стук.

Палочки Сун Цинсюя упали на стол.

Всё. Есть невозможно.

Он что сейчас вытирал?!

Где модератор?! Кто-нибудь! Забаньте этого человека, который среди бела дня с невинным видом делает непонятно что!

Он вскочил:

— Я в туалет!

Тан Хуай сжал губы и спокойно продолжил есть.

Ли Сичэнь:

— Раз так приспичило — почему раньше не пошёл?

Тан Хуай протяжно:

— Кто знает. Может, ждал, пока я пойду вместе с ним.

Ли Сичэнь опешил:

— Вы настолько сблизились? Вместе в туалет? Вы что, не... — он осёкся.

Тан Хуай с надеждой посмотрел на него.

Ли Сичэнь пожевал губами:

— Вы что, не едите из одной тарелки?

В глазах Тан Хуая мелькнуло мимолётное разочарование:

— Он никогда не ел с тобой из одной тарелки?

Ли Сичэнь пожал плечами:

— Не. А-Сюй — чистюля. Не даёт трогать свою еду.

— Вот как, — протянул Тан Хуай. Вспомнил всё, что ему доставалось, — и настроение снова взлетело. Он подцепил ребро общими палочками и положил Ли Сичэню: — Вкусно. Ешь побольше.

<http://bllate.org/book/18105/1736423>